

Блеще Рагс
**«Бальзам
для
разбитого
некромантом
сердца,
три
капли
цикуты»**

18+

Елена Расс

**«Бальзам для разбитого
некромантом сердца,
три капли цикуты»**

«Автор»

2026

Расс Е.

«Бальзам для разбитого некромантом сердца, три капли цикуты» /
Е. Расс — «Автор», 2026

Авдотья Кукушкина — ветеринарный фельдшер с больной печенью, любовью к кофе с коньяком и редким даром чутать нечисть. Она привыкла лечить единорогов и усыплять карликовых драконов, но никак не разговаривать с трупами. Однако спокойной жизни приходит конец, когда прямо в приёмной клиники появляется покойник с запиской: «Бальзам для разбитого некромантом сердца, три капли цикуты». А следом за ним — самый мрачный, высокомерный и нелепо привлекательный некромант Эраст Мороков, который тоже отравлен и требует расследования. Впереди — три дня в проклятой усадьбе «Чёрный Гусь», где домовые воруют бюстгальтеры, скелеты-дворецкие находят любовь, а отравительница скрывается за каждым углом. Дуне предстоит разоблачить убийцу, поцеловать некроманта (в лечебных целях!), сразиться с бешеной экономкой с помощью кактусов и понять, что настоящий бальзам — это не яд, а любовь. Даже если она пахнет цикутой.

© Расс Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Елена Расс

«Бальзам для разбитого некромантом сердца, три капли цикуты»

Глава

Действующие лица

Авдотья «Дуня» Кукушкина — 32 года, в коротких шортах под лабораторным халатом, любит кофе с коньяком и ругаться с призраками коров. Логика: «Если умер — не значит, что не должен платить по счетам».

Эраст Мороков — «Некромант прет-а-порте», носит чёрную водолазку (похудевшую в талии на три размера), коллекционирует проклятия вместо визиток.

Фимка — полупрозрачный домовый в пионерском галстуке, тащит всё блестящее и комментирует жизнь, как Роза из «Подержанных львов».

Зинаида Поликарповна — бывшая учительница пения и по совместительству дух-хранительница кухонного комбайна.

Валерий Цикутов — аптекарь-алхимик, жертва (первая), весь перепитый собственной настойкой.

Клавдия Смердящая — первая красавица деревни, любовница Эраста, «девушка-шипучка» с головой, набитой ватой.

Часть 1. «Ни дня без трупа, или Ветеринара вызывали?»

Глава 1. Где кофе, там и скандал

— Я сказала: **стоять!** Куда поёрся, рогатый паразит?!

Двухсоткилограммовый единорог по кличке Аполлон замер на полпути к выходу, но буквально на секунду. Его аметистовый рог, унизанный стразами (хозяйка была той ещё любительницей гламура), уже наполовину вошёл в дверную раму. Если бы не моя привычка ставить клетки с хомячками прямо у выхода, тварь бы сбежала в приёмную и там, судя по всему, устроила бы геноцид.

— Аполлон, ты меня слышишь? — Я выставила вперёд шприц с успокоительным. — Я ветеринар со стажем. Я усыпляла бешеных барсуков и депрессивных грифонов. Ты — просто пони с самооценкой выше крыши.

Единорог обиженно всхрапнул и попытался боднуть дверь. Рама жалобно хрустнула.

— Твою ж... — прошептала я, ныряя под стол.

Сзади, из угла операционной, донёсся сочувственный вздох моей помощницы Зои:

— Дуня, может, позвоним хозяину? Он же маг, раз плюнуть — усыпит.

— Он в командировке в Нижнем Новгороде, колдует на корпоративе у нефтяников. — Я выползла из-под стола, вытирая с лица опилки. — Ему сейчас не до единорога, у него там бизнес-леди в норковых шубах требуют вызвать духа Газпрома.

Аполлон, наконец, высвободил рог из двери и торжествующе взвизгнул. Прямо как трамвай на повороте, если бы трамваи умели радоваться чужому горю.

Я замахнулась шприцем:

— Слушай сюда, рогатый. Либо ты сейчас получаешь укольчик и сладко засыпаешь под звуки «В мире животных», либо я вызываю своих знакомых из мясокомбината. У них как раз акция на конину.

Единорог замер. Его фиолетовые глазищи округлились. Похоже, до него дошло. Я медленно двинулась вперёд, приговаривая:

— Вот так. Хороший мальчик. Сейчас мы тебя полечим, почистим копытца, и ты поедешь домой, где тебя ждёт твоя ненаглядная хозяйка и свежее сено с шафраном.

Укол я поставила мастерски — в шею, между завитков шёлковой гривы. Аполлон всхлипнул по-человечески, закатил глаза и рухнул на бок, едва не придавив мою любимую кофеварку.

— Тихо, тихо, — пробормотала я, убирая шприц. — Зоя, давай бинты и антицеллюлитную мазь для копыт. И кофе. Много кофе. С коньяком.

— В одиннадцать утра? — удивилась Зоя.

— У меня трудотерапия с демоническим скотом. — Я рухнула на табуретку и запустила пальцы в волосы. — Если я не выпью кофе, то следующее животное, которое я усыплю, — это я сама.

Зоя понимающе кивнула и исчезла за дверью.

Я сидела, смотрела на поверженного единорога и думала о том, что жизнь ветеринара в мире магии — это ад девяностого уровня. Потому что обычные кошки и собаки хотя бы не умеют разговаривать, не требуют клубнику по ночам и не пытаются проткнуть тебя рогом, если ты пришёл без игрушек.

Аполлон захрапел. Громко, с присвистом, напоминая моего бывшего мужа во время отпуска на море.

Я потянулась к кофеварке, но в этот момент дверь в приёмную распахнулась с такой силой, что улетела ручка.

В проёме стоял парнишка лет шестнадцати, весь в веснушках, с глазами по пять копеек. Лакейская ливрея на нём болталась, как парус на штиле, а в руках он сжимал конверт с чёрной сургучной печатью.

— Авдотья Кукушкина? — выдохнул он.

— Не на работе, — машинально ответила я, потому что привыкла отбиваться от коллекторов и бывших пациентов. — Я в отпуске. У меня аллергия на клиентов. И на жизнь. И на людей.

Парень истерично всхлипнул:

— Там... в приёмной... он пришёл сам! Говорит, что умирать хочет у вас на кушетке. Потому что у вас календарь с котиками.

Я замерла с кружкой в руке.

— Кто говорит?

— Труп, — прошептал лакей и рухнул в обморок.

Глава 2. Покойник хотел цикуты, а получил...

Я вышла в приёмную с двумя мыслями: «Почему именно сегодня?» и «Куда я дела второй пакетик кофе?»

На продавленной кушетке для крупных пациентов (завещана мне троюродной бабкой, которая лечила дворовых котов с помощью заговоров и водки) сидел... ну, допустим, человек.

Мужчина. Лет сорока. В дорогом сюртуке, который, правда, уже был измазан какой-то зеленоватой слизью. Волосы аккуратно зачёсаны, но один глаз подозрительно косит. Кожа цвета не то воска, не то фарфора из «Икеи» — дешёвая и местами треснувшая.

Но самое главное: **он не дышал.**

— Доброе утро, — сказал труп.

Я потёрла глаза.

— Ты мне сейчас скажи, что я сплю, — попросила я вслух. — Что это всё — галлюцинация на почве недосыпа и коньяка с утра.

— Боюсь разочаровать, — труп галантно кивнул. — Я мертв, но вполне дееспособен. По крайней мере, пока не начал разлагаться.

— Это обнадеживает. — Я подошла ближе, профессиональным взглядом окидывая пациента. — И что с тобой? У тебя глаз косит.

— Это я на солнце перегрелся. Когда помирал, лежал лицом вверх, лупило прямо в левый глаз. Сейчас рассосётся.

Я медленно выдохнула.

— Слушай, красавчик. Ты труп. Ты пришёл в ветеринарную клинику. К ветеринару. Которая лечит зверей, грифонов, иногда — особо настырных домовых. Но не трупов. Для трупов есть ритуальные агентства, морги, в конце концов, местный участковый-некромант.

Труп обиженно поджал губы:

— Участковый сказал: «Иди к Кукушкиной. Она разберётся, она странная».

— Лестно.

— А ещё у вас календарь с котиками, — добавил покойник мечтательно. — Я при жизни обожал котиков. У меня было тринадцать шотландских вислоухих. Но после смерти жена их раздала, сказала: «Мёртвым животные ни к чему».

— Разумно.

— Но я хотел умереть именно на этой кушетке, — упёрся труп. — Потому что она пахнет валерианой и безнадёгой. Очень успокаивает.

Я вздохнула и решила, что от судьбы не уйдёшь. Плеснула себе коньяку (прямо в кружку с остывшим кофе), села напротив.

— Итак, что случилось? Кто ты, как помер и чего тебе надо от меня, ветеринара с десятилетним стажем и больной печенью?

— Меня зовут Валерий Цикутов, — с достоинством произнёс труп. — Я аптекарь-алхимик. Специалист по редким ядам и противоядиям. И я отравлен. Цикутой. Три капли. По всем правилам искусства. И знаете, что?

— Что?

— Мне это даже понравилось, — грустно улыбнулся Цикутов. — На вкус — как детство. Горькое, но ностальгическое.

Он протянул мне листок бумаги, измятый и в каких-то бурых пятнах.

— Вот. Нашли в моём кармане. Там рецепт. «Бальзам для разбитого некромантом сердца — три капли цикуты».

Я прочла. Почерк каллиграфический, женский, в конце витиеватая закорючка.

— Это чей?

— Не знаю, — признался Цикутов. — Но меня убили не для того, чтобы я умер. Меня убили, чтобы что-то доказать. Кому-то. Какому-то некроманту. С разбитым сердцем.

— А ты при чём?

— А я подопытный кролик. — Он печально посмотрел на свои руки, которые на глазах начали синеть. — Доза была рассчитана точно. Я умер через семнадцать минут. Красиво, с пеной у рта и видениями райских садов. Но перед смертью я успел сделать главное.

— И что же?

— Я выпил своё лучшее противоядие. Поэтому сейчас могу говорить, ходить и даже шевелиться. Но через... — он взглянул на настенные часы в виде кота, — через час я стану обычным трупом. Без разговоров. Без котиков. Без надежды.

В приёмной повисла тишина. Где-то за стеной застонал единорог. Зоя, кажется, упала в обморок рядом с лакеем. А из угла выполз мой домовый Фимка, наполовину прозрачный, в пионерском галстуке, и сказал своим скрипучим голосом:

— Дуняша, тут ещё один пришёл. Живой. Но очень подозрительный. Весь в чёрном и с косичкой.

Дверь распахнулась во второй раз за утро.

На пороге стоял **Эраст Вампирович Мороков.**

Я его сразу узнала. Потому что портреты этого гада висели во всех приемных магических контор: «Изымайте земли, берегитесь, некромант идёт!» На картинках он был страшный. В жизни — ещё страшнее. Потому что красивый.

Чёрная водолазка, обтягивающая плечи, как вторая кожа. Брюки, в которых не стыдно пойти на светский раут. Бледное лицо с острыми скулами и глазами, в которых плескалась вселенская тоска и... сарказм. Много сарказма.

За спиной у него колыхался полупрозрачный плащ — не иначе как из слёз девственниц или что там носят некроманты прет-а-порте.

— Авдотья Кукушкина? — спросил он голосом, от которого у женщин подкашиваются колени, а у меня — чутьё на неприятности.

— Она самая. Только я сейчас очень занята. Разговариваю с трупом.

Мороков перевёл взгляд на кушетку, где уютно устроился Цикутов. Ни один мускул на лице некроманта не дрогнул.

— Вижу. Вы арестованы.

— Что?! — Я подалась вперёд.

— Как главный специалист по отравленным животным в этом городе, вы обязаны найти моего отравителя. — Мороков спокойно вытащил из внутреннего кармана сложенный лист пергамента и развернул его. — Слушайте приказ. «Поскольку ветеринар Кукушкина имеет лицензию на работу с токсинами и опыт вскрытия тринадцати грифонов, павших от неизвест-

ной отравы, её навыки необходимы для расследования серии отравлений в поместье Мороковых».

— А вы-то тут при чём? — опешила я.

— Я — следующая жертва. — Мороков чуть склонил голову набок. — У меня симптомы: сухость во рту, желание купить второй пылесос и непреодолимая тяга слушать Земфиру.

— Это не отравление, это кризис среднего возраста, — фыркнула я.

— Дуня, — вдруг вмешался Цикутов с кушетки, — у него симптомы настоящие. Посмотри на его ногти.

Я посмотрела. Ногти у Морокова были идеальными, как у манекена, но под ногтевыми пластинами пробивалась синева.

— Тот же яд, — кивнул Цикутов. — Та же цикута. Только доза меньше. Он умрёт не через час, а через три дня.

— Если мы не найдём противоядие, — добавил Мороков. — Или отравителя. Либо то, либо другое. Я не привередлив.

Я перевела взгляд с умирающего аптекаря на умирающего некроманта, потом на лакея в обмороке, на Зою в обмороке, на Фимку, который уже стащил с календаря картинку с котёнком и примерял её к своему прозрачному лбу.

— И с какой радости я должна помогать тебе, некромант? — спросила я. — У меня единорог в операционной, труп на кушетке и коньяк закончился.

— Я помогу тебе вылечить твою таксу, — сказал Мороков. — Которая встала на уши и теперь ходит раком.

Я замерла.

— Откуда ты знаешь про мою таксу?

— Я некромант. Я знаю всё о всех мёртвых. А твоя такса — наполовину мертва, потому что так разозлилась на жизнь, что решила перестать дышать. Я могу её оживить. Правильно оживить. С сохранением шерсти, аппетита и любви к тебе.

Я думала ровно три секунды.

Такса Клякса была моей лучшей подругой последние семь лет. Она умела открывать холодильник, делала вид, что не понимает слова «нельзя», и спала на моей подушке, оттесняя меня локтями. Если бы она умерла окончательно... я бы не пережила.

— Договорились, — сказала я. — Но при одном условии.

— Каком?

— Ты сам будешь меня возить в своё поместье. И терпеть мои дурацкие вопросы. И не умрёшь раньше, чем я выпью сегодня вторую кружку кофе.

Мороков улыбнулся.

Это была редкая, опасная улыбка — как будто леопард решил поиграть с добычей, прежде чем съесть.

— Договорились, ветеринар. — Он протянул руку. — Но предупреждаю: в моём доме есть свои правила.

— Например?

— Не трогать скелетов без спроса. Они обидчивые.

Я пожалала холодную ладонь некроманта.

Цикутов на кушетке одобрительно хмыкнул и сказал:

— Молодые люди, бегите. Время идёт. Я ещё час могу быть полезен, но потом превращусь в обычный холодный труп. И тогда мне будет плевать, кто кого отравил. Мне будет просто плевать. Буквально.

Я вздохнула.

— Фимка, тащи аптечку. Зоя, очнись и покорми единорога. А мы, — я посмотрела на Морокова, — едем в твой проклятый замок разбираться, кому так сильно не нравится твоя физиономия.

Некромант галантно подал мне плащ — свой, чёрный, сотканный из теней.

— Не бойтесь, что я укушу? — спросила я, закутываясь.

— Боюсь, что вы — единственная, кто сможет меня уберечь. — Он открыл дверь. — Выходите. И поторапливайтесь. У меня через три дня бал.

— Какой бал?

— Мой собственный. По случаю моей смерти, видимо. Или отмены смерти. Ещё не решил.

Мы вышли в промозглое утро, и ветер магического мира понёс нас в усадьбу «Чёрный Гусь», где призраки играют в покер, домовые воруют бюстгальтеры, а убийца, кажется, только начал свой кровавый путь.

Цикутов остался на кушетке досматривать десятый сон и ждать окончательного превращения.

А я, Авдотья Кукушкина, ветеринарный фельдшер, пошла расследовать дело, в котором моими главными уликами были труп с косым глазом, некромант с синими ногтями и записка с дурацким названием: **«Бальзам для разбитого некромантом сердца, три капли цикуты»**.

Глава 3. Усадьба «Чёрный Гусь» — добро пожаловать в ад

Дорога до поместья заняла сорок минут. Мороков вёл экипаж сам — вернее, правил двумя скелетами-лошадьми, которые время от времени теряли позвонки и пугали прохожих. Я сидела рядом, куталась в плащ, пила термосный кофе и молчала.

Молчание прерывал только Фимка, который увязался за нами и теперь сидел у меня на плече, комментируя жизнь.

— Глянь, Дуняша, могилка симпатичная. А вон там — дуб, под которым упыри шашлыки жарят. А вон там бабка сидит, гадает. Ой, а это что за хрень с рогами?

— Это единорог, — буркнула я. — Из клиники сбежал.

— Идиот, — резюмировал Фимка.

Мороков хмыкнул, но ничего не сказал. Я заметила, что он бледнее, чем утром. Синева под ногтями расползлась до середины пальцев.

— Ты как? — спросила я.

— Прекрасно, — ответил он ледяным тоном. — У меня в желудке играет скрипичный квартет, а в голове — хор мертвецов. Я на седьмом небе от счастья.

— Это яд так действует или у тебя характер скверный?

— И то, и другое, — любезно сообщил он. — Добро пожаловать в «Чёрный Гусь».

Мы въехали в ворота, и я подавилась кофе.

Усадьба была... странной.

С одной стороны — классическая готика: шпили, башни, плющ, чёрный камень, лужи крови (наверное, от шашлыков упырей). С другой стороны — на газоне стояли пластиковые фламинго, на крыше висела гирлянда с сердечками, а у входа зияла табличка: **«Осторожно, злая домоправительница. Кусается. Лечится печеньем»**.

— Это она в шутку, — пояснил Мороков, заметив мой взгляд. — Домоправительница действительно кусается. Печенье не помогает.

Мы вышли из экипажа, и тут же к нам подкатился... скелет.

Настоящий. Человеческий. В бабочке-бабочке и начищенных до блеска кожаных ботинках. Он отвесил поклон, при этом его позвоночник издал тревожный хруст.

— Лорд Мороков, вы вернулись. А это? — Он повернул череп в мою сторону. Глазницы были пусты, но я физически ощутила, как он меня сканирует.

— Это ветеринар. — Мороков махнул рукой. — Будет жить у нас три дня. Или пока меня не убьют. Или пока она не сойдёт с ума. Костик, распорядись насчёт комнаты.

— Слушаюсь, — скелет кивнул, и его череп чуть не упал. — Прошу за мной, сударыня. Только осторожнее на лестнице: третья ступенька проклята, она любит подкалывать ножки.

— Подкалывать? — переспросила я.

— Да. У нас тут весело, — проскрипел Костик и потрусил вперёд.

Внутри усадьба оказалась ещё сюрреалистичнее. Хрустальные люстры соседствовали с вязанками чеснока. Ковры с драконами лежали поверх каменных плит с рунами. На стенах висели портреты предков Мороковых — все как на подбор с мертвенно-бледными лицами и одинаково хищными улыбками.

Один портрет, впрочем, отличался — толстый лысый мужчина с усами и в фартуке.

— А это кто? — спросила я.

— Прадед, — сквозь зубы процедил Мороков. — Был некромантом, но после пятидесяти лет увлёкся кулинарией. Написал «Поваренную книгу мертвеца». Говорят, рецепт борща оттуда до сих пор вызывает у читателей инфаркт.

Портрет вдруг моргнул. Я отшатнулась.

— Не обращай внимания, — устало сказал Мороков. — Они все живые. Магия, проклятия, скука. Прадед иногда вылезает из рамы и ходит на кухню жрать.

— А если он вылезет сейчас?

— Закричи. Он боится женских криков. Говорит, напоминает ему о бывшей жене.

Мы поднялись на второй этаж. Костик распахнул дверь в комнату: кровать под балдахин, камин, на столе — графин с чем-то тёмным.

— Это вино? — спросила я.

— Это кровь, — сказал Мороков. — Но не переживайте, она искусственная. Из свеклы. Моя кухарка-вампириша перешла на здоровое питание.

— У вас кухарка-вампириша?

— И конюх-оборотень, который забывает, во что превращается, и грызёт сёдла. И садовник-призрак, который разговаривает с розами на латыни. И домовый Фимка, которого вы, кажется, уже знаете.

— Я не его! — обиженно пискнул Фимка с моего плеча. — Я ваш домовый вообще-то, но к вам пришёл, потому что у вас коньяк вкуснее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.